

УДК 330.34 (477)

Ю. Н. Пахомов,директор Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины,
академик НАН Украины

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТКРИЗИСНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

В статье сформулированы основы современной модели развития, которая формируется в мировом пространстве в связи с появлением новых стран-лидеров; осуществлен сравнительный анализ экономических моделей успешных и неуспешных государств в контексте посткризисных вызовов; раскрыты истоки и факторы неконкурентоспособности экономики Украины; определены основные задачи, которые необходимо решить нашей стране для формирования посткризисной модели развития национальной экономики.

Ключевые слова: посткризисная модель развития, конкурентоспособность, инновации.

Ю. М. Пахомов

ОСНОВНІ ЗАВДАННЯ ФОРМУВАННЯ ПОСТКРИЗОВОЇ МОДЕЛІ РОЗВИТКУ ЕКОНОМІКИ УКРАЇНИ

У статті сформульовано основи сучасної моделі розвитку, що формується у світовому просторі у зв'язку з появою нових країн-лідерів; здійснено порівняльний аналіз економічних моделей успішних і неуспішних держав у контексті посткризових викликів; розкрито джерела й фактори неконкурентоспроможності економіки України; визначено основні завдання, які необхідно вирішити нашій країні для формування посткризової моделі розвитку національної економіки.

Ключові слова: посткризова модель розвитку, конкурентоспроможність, інновації.

Y. M. Pakhomov

MAIN TASKS OF THE POST-CRISIS MODEL OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC OF UKRAINE FORMATION

In this article the principles of modern development model, which is forming in the global space as a result of the advent of new country-leaders are formulated; the comparative analysis of economic models of successful and unsuccessful countries in the context of post-crisis challenges are attained; the sources and the factors of non-competitiveness of the economy of Ukraine are disclosed; the major task that must be solved by our country for the formation of post-crisis model of national economy development are identified.

Key words: post-crisis model of development, competitiveness, innovation.

Постановка проблемы. Для формирования посткризисной модели развития экономики Украины важно, прежде всего, исправить дефекты, существующие в нынешней экономической и социальной модели. Дефекты эти не случайны, т. к. в Украине с самого начала была заложена «мина» в виде нерегулируемого рынка. Популярным был никем во власти не осмысленный и не корректируемый тезис: «Чем меньше государства, тем лучше; рынок сам все отрегулирует». Данный подход предопределил низкотехнологичный статус страны и ее отставание, а также отторжение всего высокотехнологичного на последующие годы. Как писал Гете, «свободен первый шаг, но мы рабы второго». Очевидно, что украинский кризис, рекордный по глубине в Европе, нес на себе печать дефектов сложившейся модели. Ведь во всех странах кризис смягчало государство, а не рынок. А наше государство оказалось несостоятельным. В нем отсутствуют институты, обеспечивающие гармонизацию взаимодействия и взаимодополнения функций рынка и функций государства как направителя рыночных сил.

Цель статьи – сформулировать основы современной модели развития, которая формируется в мировом пространстве в связи с появлением новых стран-лидеров; осуществить сравнительный анализ экономических моделей успешных и неуспешных государств в контексте

те вызовов нынешнего кризиса; показать причины неконкурентоспособности экономики Украины; определить основные задачи, которые необходимо решить нашей стране для формирования посткризисной модели развития национальной экономики.

Основные результаты исследования. Первая задача, обострившаяся в Украине в посткризисный период, – это задача проведения институциональной реформы, которая бы позволила сломать нынешнюю модель – приземленную и разрушительную – и создать новую – современную, т. е. инновационную. Причем речь должна идти не о прямом диктате государства – такой подход дискредитировал себя в СССР, а о влиянии государства на рынок через систему опосредованных регуляторов в виде стимулов, ограничителей, стандартов и других инструментов, закладываемых в системе институтов. Согласимся, что к созданию такой системы взаимосвязей в Украине никто даже не приступал, поэтому все надо начинать практически с «чистого листа», или (что еще хуже) с устранения накопившихся деформаций.

Институциональная реформа должна носить всеохватывающий характер; но при этом не всем подсистемам следует придавать одинаковую значимость. Более того, в системе институтов необходимо выделить подсистему-ядро и на нее замкнуть работу других подсистем.

тем. Таким ядром должен быть комплекс, обеспечивающий инновационную перестройку всего общественного организма, а не только экономики.

Сложность этой задачи состоит в том, что наша страна за годы независимости полностью адаптировалась к созиданию лишь малых, т. е. сиюминутных дел. А инновации – это, прежде всего, система, ориентированная на будущее, поскольку позволяет задействовать инструменты, выводящие финансы, другие ресурсы и даже помыслы на долгосрочность. Украина настолько завязла в решении «горящих» проблем, что даже энергетически (из-за массовой депрессии) не готова к масштабным реформам. И здесь я имею в виду не только человеческий фактор, а и всю регулятивную (дефектную в Украине) систему. Вывод: Украине нужен либо Шарль де Голль (первый президент Пятой Французской Республики, 1959–1969 гг.), либо Кемаль Ататюрк (первый президент Турецкой Республики, 1923–1938 гг.), который, по его словам, «тащил страну в лучшее будущее вопреки ее сопротивлению».

Следует заметить, что успешные страны, имеющие (в отличие от нас) стратегии развития, используют кризис для технологического обновления. Ведь кризис делает неконкурентным все рутинное, и тем самым дает возможность сосредоточить ресурсы в точках конкурентоспособности. В Украине, в отличие от стран, нацеленных на будущее, подобные подходы игнорировались.

Между тем некоторые страны, казалось бы, вопреки логике, «благодаря» кризису преуспели. Например, Китай, имея, в отличие от Украины, мощное государство, адаптированное к рынку (инь-ян!), сохранил в период кризиса высокие темпы роста – не ниже 6% и вплоть до 8%. В этот период он провел уникальную операцию (которая была неожиданной, и даже рискованной) – перенаправил экспорт, который приносил ему значительные доходы, – но был заблокирован кризисом, – в русло внутренней экономики. Как известно, финансовым источником жизнеобеспечения 1,5-миллиардного населения КНР в докризисные годы являлся именно экспорт – тот экспорт, который завалил всю Америку, и за счет которого она одевалась, обувалась и обустроивала быт. Когда началась описанная выше операция, многие ожидали, что Китай рухнет. Но он сумел развернуть многие экспортные товарные потоки во внутренний рынок. И вместо проигрыша был получен огромный выигрыш, открывающий колоссальные перспективы, связанные с процессом роста благополучия всего Китая. Это яркий пример формирования посткризисной экономики с опорой на кризис.

Вызывает также удивление инновационный – с отталкиванием от кризиса – путь, которым движется сегодня Россия. Оба российских лидера (В. Путин и Д. Медведев) активно стимулируют инновационный процесс. Практически каждую неделю в России проходят презентации или новых заводов, или радикального обновления старых. Украина же поглощена «латанием дыр» и сиюминутностью. Никто не разрабатывает стратегию выведения страны на новую ступень конкурентоспособности с опорой на кризис. А он, кризис, как хищник в прериях, одних заставляет «быстрее бегать», а других «выбраковывает». Украина оказалась в числе вторых, но это даже никем не осознается.

А между тем мир вступил в эпоху смены технологических укладов и, соответственно, стран-лидеров. И вряд ли найдется государство, которому удастся избе-

жать наметившейся тенденции и перестановки с одной ступени на другую. В результате в мировом пространстве произойдет колоссальная дифференциация стран на успешные и неуспешные. Многие государства, которых кризис заставил внедрять инновации, будут демонстрировать взлет. А другие, наоборот, под воздействием кризиса ускорят свое падение, а то и уход с арены.

В связи с этим я хочу акцентировать внимание на основных положениях Доклада Национального разведывательного Совета США. В этом документе, под названием «Доклад 2025», говорится, каким будет ближайшее будущее. В Докладе речь идет не только о новой расстановке сил, но и о смене модели развития с учетом восхождения на пьедестал успеха новых мировых лидеров. Соответственно изменится и тип глобализации – она будет уже подстраиваться не «под Америку», а под этих лидеров. Ниже я приведу некоторые выдержки из «Доклада 2025». Вот они: «С подъемом Китая, Индии и других стран возникает многополярная система»; «Традиционные западные альянсы сильно ослабеют»; «Многие страны будут привлекать скорее китайская модель, чем американская»; «Продолжится беспрецедентный перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток»; «Подобный переток укрепит Россию, которая желает бросить вызов западному порядку»; «Россия, Китай и Индия будут играть большую роль, чем сегодня. НАТО все больше будет ослабевать»; «Большие перспективы роста у стран БРИК»; «Китай имеет предпосылки в ближайшие 20 лет оказывать на мир большее влияние, чем какая-либо другая страна»; «Китай, Индия, Россия не следуют либеральной западной модели в вопросе саморазвития»; «Взлет России и Китая потенциально может быть гораздо серьезнее благодаря их огромной территории и подходу к демократии».

На мой взгляд, нам стоит задуматься и о словах, касающихся демократии. Ведь демократия, как и все в этом мире, – явление неоднозначное. Она имеет свои плюсы, которые преобладают у развитых стран; и свои минусы, которые в большей степени характерны для стран слаборазвитых. Мы же, вместо трезвого анализа, относимся к демократии как раз и навсегда данной «священной корове». А между тем демократия имеет определенные этапы, адаптируемые к процессам развития. Мы же в демократии (как и в вопросах рынка) идем вслепую. Отсюда, из-за неадекватности, у нас развертываются процессы, которые – под видом демократии – обслуживают не права граждан, а алчность и всевластие олигархата, подмявшего под себя власть. Это – квазидемократия.

Поэтому главной задачей (наряду с коррекцией модели развития) является очищение страны от скверны и оздоровление демократии, в том числе через преодоление бесправия простых людей. Ведь мы с нашей демократией дожились до феодализма, – имеется в виду воцарение в стране феодальных латифундий и произвол новых помещиков.

Но этим деформации не ограничиваются: страна пронизана метастазами бесправия. Поражает степень беззащитности граждан, разумеется – рядовых. Приведу некоторые (далеко не полные) иллюстративные данные: в Украине, согласно опросам, на защиту со стороны высшей власти могут рассчитывать лишь от 1,9 до 7,2% населения; местной власти – 4%; профсоюзов – 2,2%; руководителей предприятий – 0,8% и т. д. [1, с. 560].

Обратимся теперь к степени защищенности граждан через суды. По данным государственной исполнительной службы Министерства юстиции Украины, в 2005 г. подлежало принудительному исполнению 6,1 млн. исполнительных документов; фактически же было исполнено 1,9 млн. [2, с. 451]. В 2006 г. ситуация практически не изменилась.

А теперь представим, что стоит за этими цифрами. Легко догадаться, кто были те люди, чьи судебные иски были реализованы: без взяток здесь не обошлось. А вот тем миллионам (!) граждан, чьи выигранные дела обернулись «пустышкой», заплатить, видимо, было нечем. Возникает вопрос: каким должен быть тот строй, который безразличен к судьбе выигранных судебных дел и стоящих за этими делами граждан? Ясно, что это не капитализм, ибо там сильна власть закона, но это и не социализм – там действует социальная справедливость. Подобное возможно лишь в эпоху раннего (а не позднего!) средневековья.

Разумеется, в такой ситуации нарастают масштабы деградации человеческого капитала; она становится вызовом для самого существования страны. Иллюстрацией глубины и, возможно, необратимости депрессивных патологий в украинском обществе является малоизученный феномен массового и немотивированного страха. Опрос, проведенный Институтом социологии НАН Украины, свидетельствует о том, что 62% населения боится стать жертвой злодеяний, 88,3% – пополнить армию безработных, 43,9% – наступления голода, 59,4% – остановки предприятий, 23,3% – массовых беспорядков, 83,2% – роста цен, 39,4% – заражения инфекциями и т. д. [3, с. 452]. А поскольку нет веры в будущее, и в стране царит несправедливость, то отсутствует и энергия созидания, которую заменил страх, что видно из приведенных выше цифр.

Ясно, что источником выявленных в ходе исследований болезненных комплексов и социальных фобий является – наряду с фактором обездоленности – и полнейшая беззащитность рядового гражданина. И это называется демократией?!

О том, что Украина – рекордно депрессивная страна, свидетельствуют и исследования планетарного масштаба, проводимые в 2007 году Всемирной организацией здоровья. Как и следовало предположить, большинство украинцев (69% опрошенных) не ожидает в будущем Украины позитивных перемен. В основе такого пессимизма лежит неверие наших граждан в успешное развитие страны. Считается (и это подтверждается данными опросов), что разрыв между Украиной и развитыми странами в перспективе лишь увеличится; что украинское общество не станет через 10 лет более справедливым; что безработица возрастет, и бедные будут конфликтовать с богатыми. Таким образом, негативные выводы о будущем страны делаются уже не столько на почве состоявшейся многолетней экономической и социальной деградации, сколько на общей оценке Украины как несостоявшейся страны.

Своеобразной реакцией на сложившуюся неутешительную ситуацию является бурный рост симпатий украинского населения к России и ностальгия по СССР. Например, если 4–5 лет назад их сторонники составляли в Украине не более 40–45%, то в последние три года соответствующий показатель не падал ниже 71%. Опрос же, проведенный в 2007 году ведущим украинским социологическим центром КМИС и российским Левада-

центром, зафиксировал буквально вспышку украинских симпатий к России. Оказалось, что «хорошо» и «очень хорошо» относятся к этой стране 91,1% украинцев [4, с. 4]. Кстати, упомянутым опросом был опровергнут дежурный тезис украинской власти о якобы генетической склонности россиян «поглотить» Украину. Так, на вопрос о том, должны ли украинцы и россияне объединиться в одно государство, позитивно ответили 23,1% украинцев, и всего 11,8% россиян!

Симптоматично, что улучшение отношения к России происходит на фоне растущей неприязни к олигархам и требований уменьшить неравенство в доходах. Согласно опросам, организованным в 2009 году агентством *Global Sun* по заказу службы Би-Би-Си, в Украине 80% населения считают нынешний гипертрофированный разрыв в доходах для страны губительным.

Показательно и то, что в Украине именно в последние годы произошел всплеск не только пророссийских, но и просоветских симпатий. Когда речь идет о том, какая система благоприятствует наемному работнику, то приоритет получает не нынешняя Украина (6,2%), и даже не Запад (22,6%), а советская система (36,6%). При этом даже молодежь (до 30 лет), не говоря уже о старших поколениях, отдает предпочтение советским стандартам жизни в сравнении с нынешними украинскими. Так, из числа молодых людей в пользу сегодняшней Украины высказались всего 7,0%, а в пользу советской системы – 15,2% [5, с. 368].

Вернемся, однако, к демократии; но уже с позиций содействия или же препятствия экономическому успеху. В мире считается, что полноценная демократия – это привилегия богатых и высокоразвитых стран. И в Америке знают о том, что страны, совершающие рывок от бедности к богатству и от неразвитости к высокоразвитости, обречены вначале на авторитарный режим (вспомним об Атаатюрке!).

Именно такой была первоначальная модель в послевоенной Японии, Сингапуре, Южной Корее, на Тайване. Нынешний Китай лишь постепенно, по мере обретения успешности, вводит элементы демократии.

Высказанные выше взгляды на демократию касаются и посткризисной модели. Мир изменился. Убежден, что Соединенные Штаты уже не будут навязывать демократию в целях подминания либо разрушения того или иного государства. США ослабли, и их силовые акции чаще всего (особенно в странах Латинской Америки) оборачиваются против них.

Одна из причин нерешенности многих национальных задач в Украине – готовность подлаживаться под мировую «моду». Со времен суверенности наша страна все время занимала по отношению к модному Западу позицию «я ваша; я готова на все, лишь бы быть с вами; я – европейка!» А между тем сам Запад, декларируя неолиберальную модель, пользовался ей ограниченно, удерживая сильное государство в экономике.

В отличие от Украины, Китай переигрывал западные страны. Он принимал то, что полезно, и отторгал то, что вредно. Сошлемся на пример. Приблизительно 10 лет и Китай, и Украина боролись за вступление в ВТО. В течение этого десятилетия Китай реформативировал предложения этой организации в свою пользу и, в конечном счете, получил от вступления в ВТО огромный выигрыш. Украина же практически полностью приняла навязываемые требования. В итоге нас захлестнул западный импорт, и страна понесла немалые потери (унич-

тожено отечественное животноводство, увеличилось предложение вредных для здоровья некачественных мясopодуKтoв; из-за уничтожения многих сахарных заводов подорожал сахар и т.д.).

По иному, после ельцинского разгрома через шоковую терапию, повела себя Россия. Ручное управление страной со стороны США кануло в лету. Это вызвало неудовольствие Запада, но Россия выстояла, и даже вновь позиционирует себя великим государством.

Выводы. Все изложенные выше оценки приведены мной не случайно – они имеют непосредственное отношение к процессам моделирования посткризисного мира. Самое главное – отказаться от неоллиберальной модели, что, кстати, официально сделали и США, и ЕС. Неоллиберальная модель спроектирована в Америке для подвластных, полуколониальных стран. А в самих США самые важные инновации выращивались именно вопреки этой модели, под опекой государства и до тех пор, пока не наступала фаза коммерциализации. А на предыдущих этапах государство предоставляло субсидии, которые вливались в корпорации для того, чтобы сиюминутность не взяла верх над долгосрочностью. В Украине поступили иначе – обрушили плановое хозяйство (хотя планирование, конечно же, должно быть дру-

гим) и открыли экономику для рыночных отношений, как нас научили заезжие советники. Все высокотехнологичное было уничтожено стихийным рынком. А между тем США имеют планы развития страны и на 5, и на 10, и на 50 лет. Мы же, стремясь быть «большими католиками, чем Папа Римский», стали страной малых дел. И все для того, чтобы нас признал Запад. Он и признал, – включив Украину в число несостоявшихся стран.

Литература

1. Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Видавництво НАН України, 2009. – 560 с.
2. Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Видавництво НАН України, 2007. – 544 с.
3. Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Видавництво НАН України, 2009. – 560 с.
4. КМИС: Президентские предпочтения украинских избирателей связаны с отношением к России // Газета «Зеркало недели». – 2009. – № 13 (741). – 13–20 апр.
5. Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Видавництво НАН України, 2009. – 560 с.

Стаття надійшла до редакції 24 грудня 2009 р.



В. Я. Шевчук,

доктор економічних наук, професор,
заступник директора Інституту законодавства Верховної Ради України

ФОРМУВАННЯ ІННОВАЦІЙНОЇ МОДЕЛІ СТАЛОГО РОЗВИТКУ УКРАЇНИ В ПОСТКРИЗОВИЙ ПЕРІОД

У статті проаналізовано негативні аспекти процесів глобалізації і на цій основі обґрунтовано доцільність впровадження інноваційної політики сталого розвитку як на світовому, так і на національному рівні; запропоновано шляхи впровадження зазначеної моделі в Україні.

Ключові слова: посткризова модель розвитку, інноваційна політика, екологічна криза.

В. Я. Шевчук

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

В статье проанализированы отрицательные аспекты процессов глобализации и на этой основе обоснована целесообразность реализации инновационной политики устойчивого развития как на мировом, так и на национальном уровне; предложены пути внедрения указанной модели в Украине.

Ключевые слова: посткризисная модель развития, инновационная политика, экологический кризис.

Постановка проблеми. Найактуальнішою проблемою людства на початку XXI століття є вироблення і реалізація нової політики розвитку на планетарному, національному, регіональному та локальному рівнях, збереження біосфери, порятунку планети.

Останнім часом до екологічних, економічних і соціальних проблем додалися нові, пов'язані з розвитком негативних та небезпечних аспектів процесів глобалізації. Адекватним виходом із ситуації, що склалася, може бути перехід на новий шлях розвитку на засадах взаєморо-

V. Y. Shevchuk

FORMATION OF INNOVATIVE MODEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF UKRAINE IN POST-CRISIS PERIOD

In the article the negative aspects of globalization are analyzed and on this basis, the expediency of realization of innovative policy of sustainable development both at global and national level are substantiated; the ways of this model introducing in Ukraine are suggested.

Key words: post-crisis model of development, innovation policy, environmental crisis.

зуміння, взаємоповаги, гармонійного співіснування всіх держав і націй світу як між собою, так і з природою.

Перехід до нової якості економічного розвитку потребує виведення України на траєкторію сталого розвитку. Це пов'язано із залученням природного і людського капіталу в інноваційну модель, визначенням соціальних та екологічних стандартів, їх суворим дотриманням.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідження проблем переходу до сталого розвитку останнім часом отримали новий імпульс під впливом всеосяжних